

Книжное обозрение

Book Reviews

Oldfield, J., Lajus, J., Shaw, D. J. B. Conceptualizing and Utilizing the Natural Environment: Critical Reflections from Imperial and Soviet Russia. Special Issue of The Slavonic and East European Review. 2015. Vol. 93. No. 1

ЯН АРЕНД*, АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА ВОЛКОВА**

Какое значение имеют темы, связанные с Россией и Советским Союзом, для международного сообщества специалистов по экологической истории (*environmental history*)? Насколько важны темы, связанные с экологической историей, для историков России и Советского Союза? Статьи, собранные в специальном выпуске *The Slavonic and East European Review*, рассматривают данную проблематику с различных точек зрения. Если в прошлом (особенно в советское время) большинство работ по российской экологической истории делали акцент на разрушительном влиянии человека на природу, то редакторы и авторы этого тома, опираясь на новые тенденции в научной литературе, помогают построить более полную картину. Не забывая о многочисленных примерах ошибок, допущенных человеком при эксплуатации природных ресурсов, приводивших к катастрофическим последствиям в России и СССР, авторы также указывают на ряд эффективных и рациональных систем природопользования и подчеркивают русский и советский вклад в международное движение энвайронментализма, а также

в инновационные течения в науках об окружающей среде.

Статьи этого специального выпуска, изданного как коллективная монография, появились благодаря международному семинару, проведенному в Европейском университете в Санкт-Петербурге в марте 2013 г.¹ Они охватывают период с XVII по XX в., но большинство из них посвящены позднеимперскому и советскому периодам. Информативный вводный очерк подготовлен редакторами тома: Джонатаном Олдфилдом (Бирмингемский университет), Юлией Александровной Лайус (Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге) и Денисом Дж. Б. Шоу (Бирмингемский университет). В нем они не только рассмотрели литературу по российской экологической истории последних лет (уделяя основное внимание работам, опубликованным на английском языке), но и раздвинули границы возможной интерпретации этой науки: «Взаимодействие российского общества с природными ресурсами за последние 300 лет целесообразнее рассматривать относительно по крайней мере двух основных тем: во-первых, продолжительных попыток исследовать и документировать обширную сырьевую базу страны и, во-вторых,

* Мюнхенский университет им. Людвига-Максимилиана. Geschwister-Scholl-Platz 1, München, 80539, Germany. E-mail: jan.arend@lrz.uni-muenchen.de.

** Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5. E-mail: nastyavolkovasoc412@yandex.ru.

¹ О семинаре см.: Oldfield, J. Conceptualising the Natural Environment: Critical Reflections from Russia // Историко-биологические исследования (Studies in the History of Biology). 2013. Т. 5. № 3. С. 166–170.

прилагаемых параллельно усилий по пониманию того, как функционируют природные системы Земли и какие последствия для них имеют различные способы природопользования»².

По словам редакторов, историю использования и управления природными богатствами на огромных пространствах России и нужно изучать совместно с «каждой из областей исследования» этих ресурсов со стороны российского государства и науки. Важным аспектом для многих сюжетов, опубликованных в этом томе, является тот факт, что Российская империя / Советский Союз – это государство неимоверной территории, обладающее весьма разнообразными природными ресурсами, среди которых сельское хозяйство играло ключевую роль. Более того, в имперский период большая часть территории все еще находилась в процессе заселения и оставалась малоизученной. Данная тема более подробно рассмотрена в четырех из семи статей коллективной монографии. Географически все они касаются юга Российской империи / Советского Союза, где плодородные почвы обещали хорошие урожаи, которым, однако, угрожали засухи и другие экологические опасности.

Дэвид Мун (Йоркский университет) в своей статье показал, как русские переселенцы в степи юга европейской части России пересмотрели концепции отношения к природе. Выходцам из средней (лесной) полосы России приходилось адаптироваться к новой окружающей среде с нехваткой воды и древесины, а их подходы к природо- и землепользованию привели к появлению новых путей рационального

использования ресурсов. «Можно утверждать, что столкновение с другой средой в степях на окраинах Российской империи было столь же плодотворным для формирования оригинальных мыслей об окружающей среде, как и в случае тех вызовов, на которые приходилось отвечать выходцам из Западной Европы в заморских владениях их империй»³. Самым важным достижением русской энвайронментальной мысли, полученной на «степном» материале во второй половине XIX в., было, по словам Дэвида Муна, развитие и институционализация генетического почвоведения как научной дисциплины.

Изучая ту же географическую часть Российской империи, что и Дэвид Мун, Анастасия Федотова (СПбФ ИИЕТ РАН) рассуждает о том, как южные губернии европейской части России стали ключевой областью для развития и первых шагов к институционализации сельскохозяйственной энтомологии⁴. Насекомые и другие вредители оказались одной из самых значительных проблем в этом регионе во второй половине 1870-х – 1880-е гг., а «академическая» энтомология, концентрировавшаяся главным образом вокруг столичных зоологических музеев и ориентированная на изучение систематики и распространения насекомых, оказалась в первые годы не в состоянии ответить на новые вызовы. При этом хотя товарное производство зерна всех южных губерний несло существенные убытки от

³ Moon, D. The Steppe as Fertile Ground for Innovation in Conceptualizing Human-Nature Relationships // Ibid. P. 36.

⁴ Fedotova, A. A. The Beetle Question: The Growing Problem of Insect Infestations in South Russia // Ibid. P. 66–95. Расширенный и переработанный русский вариант этой статьи см.: Федотова А. А. Хлебный жук и земства: областные энтомологические съезды, 1880-е гг. // ВИЕТ. 2015. № 3. С. 474–507.

² Oldfield, J., Lajus, J., Shaw, D. J. B. Conceptualizing and Utilizing the Natural Environment: Critical Reflections from Imperial and Soviet Russia // The Slavonic and East European Review. 2015. Vol. 93. No. 1. P. 7.

насекомых-вредителей, именно Одесса — крупный торговый и научный культурный центр региона — сыграла центральную роль в профессионализации прикладной энтомологии.

Статья Эрика М. Джонсона (Университет Британской Колумбии) также рассматривает пострадавший от засухи юг Российской империи, исследуя причины голода во время неурожая 1891–1892 гг.⁵ Это исследование перекликается со многими недавними работами, посвященными истории неурожая и голода, и также как они показывает, что во многих случаях в странах с товарным сельским хозяйством голод связан не с нехваткой продовольствия как такового, а с искусственным ростом цен на него. В то время как в целом данная монография представляет последовательное собрание работ, ориентированных на схожие исследовательские интересы, нам кажется, что подход Джонсона менее согласуется с другими статьями. Аргументы автора касаются не столько концептуализации и утилизации природных ресурсов в России, сколько вопросов их распределения в обществе и того, как понимание последнего может помочь объяснить гибель Российской империи.

Денис Дж. Б. Шоу, исследуя советский период, по-новому смотрит на «Великий сталинский план преобразования природы» (1948–1953), который был разработан для защиты от засух и повышения продуктивности сельского хозяйства в лесостепных и степных регионах европейской части СССР и стал символом гигантомании и нефункциональной советской экологической политики. Орошение, внедрение травопольных севооборотов и высадка защитных

лесополос, которые должны были уменьшить эрозию, были всего лишь тремя из многочисленных мер масштабных экологических изменений, предусмотренных планом. Отступая от недавних интерпретаций, Шоу утверждает, что провал плана не может быть приписан только «слишком прометеевскому» мышлению в советской экологической политике. Он считает, что инженеры, работающие над планом, не всегда были достаточно хорошо информированы: «Требуемая эмпирическая и методологическая работа, необходимая для поддержания науки и подкрепления сталинского плана [...] попросту не была проделана»⁶. Таким образом, можно прийти к выводу, что «жажда исследования», которая, по мнению редакторов, была так характерна для взаимодействия российского государства с природой со времен империи, не принесла удовлетворительных результатов для столь амбициозного начинания, как сталинский план преобразования природы.

Попытка понять, как функционируют природные системы, связана, по мнению редакторов тома, с «жаждой исследования». Она и сегодня представляет собой весьма важную тему для специалистов, занимающихся экологической историей России. В этой связи авторы и редакторы монографии подчеркивают значение научного подхода в описании взаимодействия российского общества с природой. Ученые фигурируют в качестве главных действующих лиц в пяти из семи статей, собранных в данном томе. Точно также как многочисленные идеи естественно-научной мысли, развивавшиеся в России, ставили в центр не только природные объекты как таковые,

⁵ Johnson, E. M. Demographics, Inequality and Entitlements in the Russian Famine of 1891 // *The Slavonic and East European Review*. 2015. Vol. 93. No. 1. P. 96–119.

⁶ Shaw, D. J. B. Mastering Nature through Science: Soviet Geographers and the Great Stalin Plan for the Transformation of Nature, 1948–53 // *Ibid.* P. 145.

а их связи с человеком, данный том акцентирует внимание на важности как системного подхода, так и наук об окружающей среде и их значении для понимания антропогенных воздействий на природу. Своим акцентом на естественно-научном понимании окружающей среды этот выпуск дополняет другие исследования, которые сосредоточены на эстетических аспектах взаимодействия человека и природы⁷.

Несколько статей представили доказательств, позволяющие предположить, что критические мысли на многих этапах российской и советской истории было легче высказывать, работая в сфере естественных наук, чем в каких-либо других. Это отмечает Марк Эли (Центр исследований России, Кавказа и Центральной Европы *CERCEC*) в своем исследовании советского вклада в международные научные дискуссии по проблемам опустынивания в брежневские годы⁸. Автор утверждает, что под видом чисто научных дискуссий происходила «тихая экологизация», что помогло обосновать и сделать доступной для широких кругов критику экологической беспхозяйственности, приведшей к опустыниванию аридных и семиаридных областей СССР. Точно так же Шоу показал, как даже в сталинские времена физико-географы, почвоведы и другие натуралисты довольно открыто высказывали критику в адрес сталинского плана, а также сомнения по поводу возможностей его реализации. В этом

контексте очень полезно разграничение, предложенное автором для двух типов опубликованных источников по сталинскому плану: Шоу предлагает различать пропагандистские и академические работы, а также отмечает, что до сих пор не слишком много исследователей использовали первый тип источников обоснованно⁹. Николас Брейфогл (Университет штата Огайо) в своем изучении ранней стадии Байкальского экологического движения (к этому периоду он относит 1958–1961 гг.) аналогичным образом определяет ученых-естественников как ведущих критиков промышленной политики в регионе¹⁰.

Некоторые из исследований данного тома своим центральным вопросом избрали те «относительно сложные системы управления природными ресурсами», которые, как пишут редакторы, «были разработаны во многих случаях российским обществом на протяжении последних столетий»¹¹. Так, Алексей Крайковский (Европейский университет в Санкт-Петербурге) на основе обширных архивных источников демонстрирует, что на Севере России еще в XVII в. была разработана комплексная система, позволявшая контролировать использование животных ресурсов в бассейнах Белого и Баренцева морей¹². Крайковский подчеркивает рациональный подход к использованию этих ресурсов в допетровский период, показывая, что эта система была хорошо приспособлена

⁷ Costlow, J. T. Heart-Pine Russia. Walking and Writing the Nineteenth-Century Forest. Ithaca; London: Cornell University Press, 2013; Ely, Ch. D. This Meager Nature. Landscape and National Identity in Imperial Russia. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2002.

⁸ Elie, M. Formulating the Global Environment: Soviet Soil Scientists and the International Desertification Discussion, 1968–91 // The Slavonic and East European Review. 2015. Vol. 93. No. 1. P. 181–204.

⁹ Shaw. Mastering Nature through Science... P. 120–146.

¹⁰ Brexfogle, N. B. At the Watershed: 1958 and the Beginnings of Lake Baikal Environmentalism // The Slavonic and East European Review. 2015. Vol. 93. No. 1. P. 147–180.

¹¹ Oldfield, Lajus, Shaw. Conceptualizing and Utilizing the Natural Environment... P. 2.

¹² Kraikovskiy A. 'The Sea on One Side, Trouble on the Other': Russian Marine Resource Use before Peter the Great // The Slavonic and East European Review. 2015. Vol. 93. No. 1. P. 39–65.

к таким особенностям русского Севера, как, например, нехватка свободных рабочих рук. Аналогичным образом Мун освещает приемы сельского хозяйства, разработанные в русских степях с XVIII в., которые мы сегодня назвали бы «устойчивыми» и которые, по его словам, были направлены на работу «с окружающей средой», а не сражение или борьбу с ней¹³. Однако можно задаться вопросом: не слишком ли позитивны оценки Муна на этот счет? Не представляет ли с точки зрения современной экологии и энвайронментализма русская школа почвоведения более противоречивое наследие? В конце концов российское генетическое почвоведение еще во времена В. В. Докучаева кроме несомненного раннего экологического мышления также довольно часто демонстрировало подход, сосредоточенный на «борьбе» с природой¹⁴.

Подводя итог, мы должны отметить, что данная коллективная монография является важным вкладом в экологическую историю огромной страны, представляя в большинстве работ совершенно новый материал о системах управления и идеях, касающихся использования природных ресурсов. Два момента кажутся нам особенно важными для дальнейших исследований в области экологической истории России и Советского Союза. Во-первых, данный том поддерживает уже существующую тенденцию отказа от мнения, которое акцентировало внимание преимущественно на бесхозяйственности и пагубных воздействиях на окружающую среду. Как поучительно демонстрируют

некоторые из статей (например, Эли или Брейфогла), аргумент о важности российского и советского вкладов в энвайронментализм и науки об окружающей среде звучит наиболее убедительно тогда, когда он помещен в сравнительный международный контекст. Такого рода интегративный подход к российской экологической истории в международном контексте представляется особенно перспективным, и мы надеемся, что в ближайшем будущем появится больше подобных работ. Во-вторых, большинство статей делают сильный акцент на интеллектуальной элите, а именно на ученых. Это кажется вполне оправданным, так как по причинам, обрисованным выше, наука, по-видимому, сыграла ключевую роль в российской экологической истории¹⁵. Вместе с тем представляется важным проделать аналогичную работу над изучением других групп (экономических субъектов, экспертов из менее элитарных кругов, чем Академия наук и столичные университеты и т.д.) и их роли для природо- и землепользования. Некоторые из авторов сделали шаг в этом направлении (см., например, работы Брейфогла и Федотовой), показывая, как ученые взаимодействовали с широкой общественностью, пытаясь решить экологические проблемы. Здесь в качестве примера особенно примечателен эпизод с пожилой женщиной, рассказанный Брейфоглом. Узнав (предположительно из публикаций ученых-экологов) о планах промышленников по вмешательству в окружающую среду Байкала, она предложила пожертвовать пять рублей из своей маленькой пенсии, «лишь бы Байкал остался нетронутым»¹⁶.

¹³ Moon. The Steppe as Fertile Ground... P. 32.

¹⁴ См. об этом, например: Arend, J. Wie die russische Bodenkunde klassisch wurde. Wissenstransfer und Internationalität des Wissens in Agrarwissenschaften und agrarpolitischer Expertise, 1880–1945. PhD dissertation. LMU Munich, 2015.

¹⁵ Стоит отметить, что для большинства редакторов и авторов этой монографии история науки и технологий входит в круг важнейших исследовательских интересов.

¹⁶ Breyfogle. At the Watershed... P. 173.